

Концепт «хлеб/bread» в языковом сознании представителей русской, английской и американской лингвокультурных общностей

Гачма Елена Васильевна

студент

Филиал ФГОУ ВПО «Северо-Кавказская академия государственной службы»

в г. Пятигорске, Пятигорск, Россия

E-mail: heleng7@km.ru

Национальный менталитет каждой лингвокультурной общности имеет свои особенности, которые отражаются в содержании и строении культурных концептов. Свойством выражать национальную специфику обладает каждая единица языка и культуры.

Концепт культуры «в границах словесного знака и языка в целом предстает (как явление) в своих содержательных формах – как образ, как понятие и как символ» [2, с. 81]. В этом случае под концептом понимается не *conceptus* (условно переводимый термином понятие), а *conceptum* – “зародыш, зернышко”, из которого «произрастают в процессе коммуникации все эти содержательные формы его воплощения в действительности» [2, с. 81]. Как подчеркивает В.В. Колесов, описание словарного материала по концептам национального менталитета - «является принципиально новой формой толкования слов: слово выступает материалом (материей) концепта наряду с содержательной его формой в виде образа, понятия и символа» [2, с. 156]. Концепт существует в коллективном сознании и опредмечивается в той или иной языковой форме.

Осознание концепта как ментального образования позволяет не только реконструировать ментальный мир носителя определенного языка, но и воссоздать его этнокультурный образ мира ибо, развивая тезис Ю.С. Степанова [см. 5], концепты можно представить как своего рода ячейку культуры в ментальном мире человека.

Совокупность концептов определенного языка представляет собой концептосферу данного языка, где «язык является неким концентратом культуры нации и ее воплощением в разных слоях населения вплоть до отдельной личности» [4, с. 8].

Для анализа концептосфер различных языков целесообразным представляется обращение к ассоциативному эксперименту. По мнению А. А. Леонтьева, «если нам нужно найти метод, с наибольшей объективностью позволяющий вскрыть “культурную” специфику словарных единиц, вскрыть те побочные, непосредственно не релевантные для общения семантические связи, которое имеет данное слово, его семантические “обертоны” – без сомнения, таким методом является ассоциативный эксперимент» [3].

Ассоциативный эксперимент (АЭ) заключается в том, что испытуемому дается слово-стимул и предлагается реагировать на него одним или несколькими словами, сразу «пришедшими в голову». Получаемое в результате проведения эксперимента ассоциативное поле определенного слова-стимула – это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент концептосферы этноса, отраженный и закрепленный в сознании “среднего” носителя этнического языка и культуры.

Как подчеркивает А. А. Залевская, ассоциативный эксперимент дает богатый материал для межкультурных и междисциплинарных исследований, позволяя выявить как «общечеловеческие» характеристики свободных ассоциаций, так и ту неповторимость, которую им придает та или иная культура [см. 1].

В целях научного исследования был проведен ассоциативный эксперимент с регистрацией цепи ответов, в котором приняли участие русские, английские и американские студенты в возрасте от 20 до 28 лет (в каждой группе по 50 человек). Испытуемым предлагалось реагировать на слово-стимул «хлеб/ bread» таким количеством ответов, которое они успеют воспроизвести за 1 минуту (АЭ проводила Решке Н.А.). Так как были важны равные языковые возможности, ассоциативный эксперимент проводился на родном языке студентов.

Ассоциативные реакции на стимул «хлеб/ bread», полученные в ходе проведения эксперимента с русскими, английскими и американскими студентами, приведены ниже:

Русские ассоциации	Английские ассоциации	Американские ассоциации
<p>всему голова 12, еда, насыщенный 8, жизнь, труд, черный 6, соль 5, белый, ржаной, свежий, теплый 4, буханка, пища 3, булка, вкусный, вода, горячий, есть, каравай, мягкий, наше богатство, поле, с маслом, черствый 2, батон, дорогой, душистый, запах, злаки, круглый, кусок, пшеница, пшеничный, радость, серп и молот, серпы, символ, сыто 1.</p>	<p>butter 20; food 15; water 5; loaf, bread bin 4; knife, money 3; eat, sandwich, staple, toast 2; black, board, cheese, daily bread, French, jam, Lenin's slogans, life, need, nutrition, rye-bread, sauce, vital, wheat, wine 1.</p>	<p>water 15; butter 14; food, wheat 7; money 5; butter and bread 4; sustenance 3; French, white, wine, yummy 2; basic, basket, body of Christ, bread winner, breaded, brick over, cabinet, carbohydrates, "carbohydrates are fattening", delicious, dough, habit, line, mother, peanut butter sandwich, people eating, pumpkin spice, roses, Russia, Sausage, staple, substantial, survived, sweetbread, symbol, "This is my body given up for you" (Jesus), a warm tummy, warmth, yeast, yummy goodness 1.</p>

Полученные ассоциативные реакции отличаются в исследуемых лингвокультурных группах. Между английскими и американскими реакциями наблюдается некоторое сходство. У русских студентов самой частотной ассоциацией был фразеологизм «хлеб всему голова» (12), у англичан и американцев – масло (20) и вода (15) соответственно. Концепт «хлеб» является более значимым для носителей русской культуры, в их языковом сознании закрепилось отношение к хлебу как к чему-то главенствующему, первостепенному, основополагающему. С хлебом связываются представления о жизни, труде, гостеприимстве (хлеб-соль). В представлении русских хлеб, прежде всего, черный (у англичан и американцев – белый и французский), а потом уже ржаной и белый. Хлебу сопутствуют различные осязательные характеристики: теплый, свежий, вкусный, горячий, мягкий, черствый, буханка, булка, каравай, хлеб является «нашим богатством». Ю.С. Степанов относит «хлеб» к константам русской культуры [см. 5].

В сознании человека с концептом «хлеб/ bread» с древних времен прочно связываются представления о еде и жизни. Реакция «еда» явилась второй по частоте у русских (8), англичан (15) и третьей у американцев (7).

У английских и американских студентов хлеб (bread) ассоциируется с сырьем, из которого он производится – пшеница; формой хлеба – буханка; местом хранения – закрома; производными продуктами – сэндвич, тост, бутерброд. И англичане, и американцы отмечают, что хлеб является основным продуктом питания. В их представлении хлеб также связан с деньгами (англичане – 3 реакции, американцы - 5).

Данные, полученные в ходе ассоциативного эксперимента, свидетельствуют о различиях в содержательном наполнении концепта «хлеб/bread» в русском, английском и американском варианте английского языков. Причем даже если в межъязыковом ассоциативном эксперименте на наиболее частотные слова-стимулы даются однотипные реакции, все равно «ассоциативный профиль» языковых культур в целом различен.

Литература

1. Залевская А. А. Слово. Текст: психолингвистические исследования: избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 542 с.
2. Колесов В.В. "Жизнь происходит от слова...". - СПб.: «Златоуст», 1999. – 368 с.
3. Леонтьев А.А. «Словарь стереотипных ассоциаций русского языка», его теоретические основы, задачи и значение для обучения русскому языку иностранцев // Вопросы учебной лексикографии. – М., 1969, с. 114-128.
4. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Вестник АН России, Серия литературы и языка. - Том 52. - № 1. - с. 3-10.
5. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004. – 991 с.

Языковые средства актуализации понятия *Toleranz* в немецкой литературе

Губкина Анна Алексеевна

студентка

Бийский педагогический государственный университет им. В.М. Шукшина, Бийск,
Россия

E-mail: angu87@mail.ru

Толерантность «описывает способность терпеть форму, или - вплоть до соответствующего порога толерантности - много форм инобытия или иного поведения, в частности происхождению, религии, расположениям, морали или убеждений» [Toleranz: aus Wikipedia, der freien Enzyklopädie].

В процессе исторического и культурного развития, становления философской мысли категория «терпимости», «толерантности» претерпевала изменения. Менялось общество, в основе человеческих взаимоотношений стояли разные идеи на разных этапах его развития.

Термин «толерантность» употребляется для обозначения способности организма к сопротивлению, стрессам, вредным воздействиям окружающей среды, лекарствам, собственному раздражению поведением другого индивида.

Актуальным для исследования является рассмотрение толерантности немецкими учеными. Для немецкой философии (И. Гете, Г. Лессинг, Р. Форст и др.) свойственно представление о толерантности как выражении терпения, сострадания человека. «Толерантность [...] указывает вообще терпение или уважение убеждений, действий или практик, которые принимаются с одной стороны как ошибочные и отклоняющиеся от нормы, но с другой стороны не будут совсем отклоненными и ограниченными» [1].

Гете полагает, что толерантность «должна быть временным образом мышления, она должна вести к признанию. А терпеть – это значит оскорблять». [2]

По мнению Вальтера Каспера, толерантность означает «уважение к убеждениям других, но не отказ от собственного убеждения» [3].

Если внимательно и вдумчиво посмотреть, то становится очевидной важная роль толерантности (терпения) для соблюдения и обеспечения функционирования важных качеств в немецком характере (трудолюбия, порядочности, усердия). Ведь, если бы не было терпения, то не было бы и остальных качеств. Например, быть порядочным человеком подразумевает заслуживать уважение, не совершать низких поступков, быть честным. А заслужить уважение можно уважая других людей, становясь терпимым к другим людям, толерантным.

В исследовании под толерантностью понимается свойство субъекта воспринимать объект как существующую реальность или принимать объект таким какой он есть, отсюда следует, что для рассмотрения реализации семантика толерантности (СТ) необходимо рассматривать взаимоотношения двух (или более) людей: субъекта и объекта. Проявление толерантности обязательно должно иметь объект. Это равносильно тому, что у любви или дружбы тоже всегда есть объект, на который эти чувства (проявления) направлены. Не бывает просто любви в никуда. Подобно им, толерантность тоже всегда имеет объект, на который она направлена.

Анализ фактического материала показал, что СТ может быть выражена различными средствами: лингвистическими (лексическими) и экстралингвистическими. Лексические средства представлены различными лексемами – глагольными или именными, выражающими заявленную семантику, например:

1. ..., von diesem Augenblick an keinerlei Vertrauen zwischen ihm und Katharina entstehen konnte. [4]
2. ..., wie die Leute, die große Zärtlichkeit füreinander haben... [4]
3. Die Erklärung von Katharina ... wurde kommentarlos akzeptiert. [4]

В приведенных примерах СТ выражена именными лексемами Vertrauen (высказывание (1)), Zärtlichkeit (высказывание (2)), глагольной лексемой akzeptieren (высказывание (3)).

Данные лексемы включают в себя компоненты семантики рассматриваемого понятия («Toleranz») – компонент понимания, уважения, терпения. Помимо названных лексем, СТ в предложениях-высказываниях может быть выражена также другими лексемами, имеющими в своей семантике вышеназванные компоненты.

Экстралингвистические средства при реализации СТ представлены посредством описания жестов, мимики, демонстрация которых позволяет обнаружить СТ, например такими:

4. ... sagte, nicht in aggressiver, sondern in „fast freundlicher, adathischer Weise“. [4].

В приведенном высказывании СТ актуализована с помощью описания реализации заявленной семантики «невербальными средствами» - (in fast freundlicher, adathischer Weise).

5. War er vorüber, so blieben die Leute stehn, flüsterten, zeigten nach ihm und sahen ihm mit einer Miene, in der sich Mitleid, Respekt und eine Art von Grauen mischten, eine Strecke weit nach [5].

В высказывании (5) СТ также актуализована с помощью описания реализации свойства толерантности «невербальными средствами» - (zeigten nach ihm; sahen ihm mit einer Miene, in der sich Mitleid, Respekt ...).

Итак, можно сделать вывод, что свойство толерантности актуализируется 2 видами лексем – именными и глагольными, среди которых доминируют именные лексемы.

Подводя итог, следует обобщить результат интерпретации фактического материала с особенностями немецкого характера. Для этого стоит привести пример Генриха Белля «..., der seine Arbeit liebt und versteht» [4]. В приведенном высказывании говорится о не просто понимании субъектом der (исполнителем определенной профессиональной деятельности) своей работы, а еще и о «любви» к выполняемому делу. Смысл данного высказывания подтверждает, что представители немецкой культуры трепетно относятся к исполнению своих обязанностей, воспитаны к порядку, который порождает такое свойство как терпение к любым обстоятельствам, так как порядок для немцев – это важнейшая составляющая их культуры. Отсюда следует, что наряду с этим ключевым понятием в немецкую культуру также входит понятие «терпимость или толерантность». Понятие «Ordnung» и «Toleranz» тесно связаны друг с другом, в силу специфики уклада жизни немецкого народа, так как воплощение первого из них - «Ordnung» невозможно без присутствия второго - «Toleranz». Ведь для достижения порядка во всем и везде, на любом поприще, будь то профессиональная деятельность или личная жизнь, немцу всегда необходимо обладать пониманием, быть терпеливым, даже если это будет «вынужденным» терпением. Порядок для немца – это высочайшая форма толерантности, терпимости к миру. То же можно сказать и о бережливости, усердии и порядочности. Ведь, чтобы иметь все эти качества, нужно в первую очередь быть толерантным, терпеливым человеком. Невозможно представить себе бережливого, но нетерпеливого человека, потому что, чтобы иметь сбережения, нужно терпение. А усердие сходно с порядочностью и любовью к работе. Чтобы выполнять определенный вид деятельности, нужно быть компетентным в этой области, чтобы стать компетентным, нужно учиться, а чтобы научиться, нужно терпение.

Таким образом, немцы считаются практически самым толерантным народом в мире. О «пресловутой» немецкой толерантности можно сейчас услышать везде. Насколько толерантны немцы, можно увидеть из художественной литературы, ведь именно она является отражением мыслей и чувств.

Литература

1. Rainer Forst: Toleranz. In: Hans Jörg Sandkühler (Hrsg.): Enzyklopädie Philosophie. 2 Bände, Hamburg, 1999, с. 57

2. Toleranz: aus Wikipedia, der freien Enzyklopädie. Электронные данные. – Режим доступа: <http://de.wikipedia.org/wiki/Toleranz>
3. Walter Kasper. Kein Kreuz aus Rücksicht auf Muslime. // Focus, 23.12.2006, с. 5

Практический материал

4. Белль Г. Потерянная честь Катарины Блум. Рассказы: книга для чтения на немецком языке. – СПб, 2007, с. 21, 65, 73, 78, 209.
5. Гейзе П. На берегу Тибра. На нем. яз. – М, 2004, с. 40

Сленг в современном английском как отдельное понятие лингвокультуры

Дмитриева Татьяна Игоревна¹

студентка

Ставропольский филиал Пятигорского государственного лингвистического
университета, Ставрополь, Россия

E-mail: divdev@mail.ru

Большое количество работ по нелитературной лексике свидетельствует о возрастающем исследовательском интересе лингвистов к сленгу. Необходимость его изучения становится общепринятой и важной для общения с представителями разных лингвокультур, что и определяет актуальность данного исследования.

Отечественные и зарубежные теоретики-лексикологи высказывают разнообразные точки зрения по вопросу о «сленге». Многие из них считают, что ему не место в английском литературном языке. Это можно объяснить тем, что данное понятие в английской лексикографии ассоциируется со словами и фразеологизмами, совершенно разнородными с точки зрения их стилистической окраски и сфер употребления. Так как нет четкого критерия, позволяющего определить принадлежность слова к той или иной группе, в современном английском понятие «сленг» смешивается с такими понятиями как «диалектизм», «жаргонизм», «вульгаризм», «разговорная речь» и другие. Таким образом, различия между сленгом и другими группами разговорного языка должны быть четко определены лингвистической направленностью.

Термином «сленг» обычно обозначают то, что не совпадает с нормой литературного языка. Под общим сленгом чаще всего понимают разговорную лексику, характеризующуюся ярко выраженной эмоциональной окраской. Сленг в английском языке составляет треть слов в разговорной речи (Голденков М.А. 2003). Английский сленг разнообразен и неповторим. Он родился и рождается в недрах самого английского, в разных социальных сферах и возрастных группах как стремление к краткости, выразительности, как протест против длинных слов. Сленг заметно украшает английскую речь своей живостью, гибкостью и остроумием.

Процесс обогащения английского языка неологизмами, начавшийся в тридцатых годах двадцатого века продолжается в настоящее время. За многие века своего существования сленг прочно укрепился в литературном английском языке. В США в недалеком прошлом в сленг входили такие слова и выражения как lunch, OK, bus, to take care, to get up, etc.

Сленг постоянно обогащается. Языковыми источниками сленга в США, как указано в работах Э. Партридж и Стюарта Б. Флекснера, являются иммигранты, моряки, военнослужащие, студенты, школьники, спортсмены и болельщики, наркоманы, хиппи и бродяги и другие группы населения. По данным исследований К. Мейджера, значительно обогащают сленг афро-американцы. У каждого социального слоя есть свой сленг, который наиболее распространен в молодежной среде. Молодые люди всегда старались противопоставить себя миру взрослых. С каждым днем языковой барьер между взрослыми и детьми увеличивается, и молодежный сленг становится для старшего поколения настолько непостижимым, что взрослые его не понимают. Сегодня интенсивное проникновение сленга в словарный фонд общенационального языка объясняется большим влиянием средств массовой информации, современных американских книг и журналов. В словарях, изданных в США, сленгу уделяется все большее внимание.

Опыт составления словарей английского языка свидетельствует о различном лингвистическом признании одних и тех же слов в различных словарях (одно и то же слово дается с пометой сленг или без всяких помет). С пометой «сленг» приводятся

---

¹ Автор выражает признательность старшему преподавателю кафедры западно-европейских культур СФ ПГЛУ М.А. Жемковой – Костяевой за рецензирование тезисов.

различные разряды слов и словосочетаний. Например, слова из разных жаргонов, образные слова и выражения, разговорные слова неофициального общения, аббревиатуры и др. Остается совершенно непонятным, на чем основываются авторы словарей, относя те или иные слова к разряду сленга.

С другой стороны, многие слова и выражения, относимые к сленгу, являются вполне литературными, чаще всего эмоционально окрашенными неологизмами. Именно поэтому под термином «сленг» объединяются разнородные явления, что определяет его неустойчивость.

Таким образом, сленг – семантически богатое неопределенное понятие с ограниченной доступностью для понимания и выраженной эмоционально-воздейственной силой и поразительным разнообразием ассоциаций. Он представляет собой эффективное средство с точки зрения проявления человеком своей индивидуальности, передачи мыслей и чувств в самых разнообразных ситуациях. Все это позволяет выделить сленг как отдельное понятие современной лингвокультуры и требует его дальнейшего детального изучения.

Литература

1. Арнольд И.В. Лексикография современного английского языка. - М.: Высшая школа, 1986.
2. Беляева Т.М. Нестандартная лексика английского языка (Беляева Т.М., Хомяков В.А.) – Л.: ЛГУ, 1985.
3. Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания, 1996, №3, с.32-41.
4. Вавилов М.Г. Так говорят по-английски. М., 1996.
5. Голденков М.А. Осторожно: HOT DOG!: Современный активный английский. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: КАРО, 2003.- 272 с.: ил.
6. Мюллер В.К. Большой англо-русский словарь: в новой редакции: 210000 слов, словосочетаний, идиоматических выражений, пословиц и поговорок. Изд. 3-е, доп. и испр.-М.: Цитадель – Трейд: ЛАДА: РИПОЛ КЛАССИК, 2005. – 832 с.
7. Clarence Major. The Dictionary of Afro-American Slang. N. Y – 1970.

Роль метафоры в вербализации концепта Self

Картелёва Лариса Игоревна

аспирант

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва,
Россия*

chlorik@rambler.ru

Цель данной работы – рассмотрение метафоры как средства вербализации концепта Self. Исследование Self-концепта в контексте языковой деятельности позволяет рассмотреть, как средствами того или иного языка создаётся вербальный образ себя. Важно учитывать, что существуют тенденции, характерные для каждого языкового отображения и связанные с обычными для определенного языкового сообщества ассоциациями.

Концепт Self в данном исследовании рассматривается прежде всего с лингвистической точки зрения. В психологии существует понятие Я-концепции, которое тесно связано с концептом Self, но не может отождествляться с ним. Если Я-концепция встроена в структуру личности целом, то концепт Self входит в сферу языковой личности.

Картина Self является частью картины мира. Концепт Self, если понимать его как комплекс представлений о себе, ментальную структуру, отраженную в языке, является частью языковой картины мира. Проблема языковой картины мира тесно связано с проблемой метафоры как одним из способов её создания.

Метафора является одним из наиболее продуктивных средств формирования вторичных наименований в создании языковой картины мира. Составляющие языковую картину мира элементы, конструкции и ассоциируемые с ними поля представлений служат для формирования новых понятий, перерабатываются сознанием, создающим новые образы действительности. При этом в сфере отражения невидимого мира большая часть этих образов производится в опоре на языковые сущности. Так, абстрактные понятия получают развитие и детализацию с помощью вербально-ассоциативных механизмов.

В сложной структуре Self-концепта задействован целый ряд вербально-ассоциативных механизмов. Например, пространственные метафоры, представляющие человека, его тело, как вместилище внутреннего мира – I wish I had it in me, my inner self, deep inside me. Или представление о множественности self в выражениях my other self, my real self, my better self; представление о том, что self может меняться, развиваться, отраженное в сочетаниях my old self, my former self, my new self, new me/old me.

Метафора используется как инструмент создания языковой картины мира, и соответственно, как инструмент создания языковой картины self. Метафора выполняет роль призмы, обеспечивая рассмотрение нового через уже познанное, зафиксированное значения языковой единицы. Образ, лежащий в основе метафоры, вызывает ряд ассоциаций (ассоциативное поле), позволяющих по-разному интерпретировать обозначаемое.

Метафоры важны для создания языковой картины self в силу того, что self – это идеальный, не воспринимаемый физически объект действительности и для наименования компонентов этой концептуальной системы используются уже существующие в языке средства.

Выбор образа, лежащего в основе метафоры, которую говорящий использует по отношению к себе, обусловлен следующими факторами: субъективной интенцией говорящего, его представлениями о себе и системой стереотипных образов и эталонов, принадлежащих его Self-концепции, существующими в культуре концептуальными и метафорическими моделями

Роль метафоры в вербализации Self-концепта должна рассматриваться в прагматическом аспекте (если понимать под прагматикой «отношение человека к знакам, которые он выбирает, преследуя определённые коммуникативные цели»), с позиций номинативно-прагматической интенции говорящего. Вербализация self-концепта – это процесс самопрезентации (self-presentation), который также называют «управлением впечатлением» (impression management). Говорящий использует метафору для достижения определённого иллокутивного эффекта. Достижением необходимого иллокутивного эффекта оправдывается намеренная затрата речевых усилий при создании метафоры и отказ от «автоматизма» в выборе речевых средств.

Выводы:

1. Метафора используется для описания внутреннего мира Self, так как это – невидимый мир, объекты которого часто не имеют названия и могут быть описаны только с помощью метафорических наименований.

2. В самопрезентативных высказываниях метафоры используются для создания яркой образности, с целью усилить впечатление о себе, которое говорящий пытается произвести.

3. Метафора используется для вербальной презентации разных уровней self.

4. Для описания Self используются разные типы метафор – например, когнитивные, уже имеющиеся в языке и образные, создаваемые говорящим, существующие только на уровне индивидуального тезауруса. Способность к метафорической самопрезентации зависит от развитости и культурного уровня языковой личности, от сложности ассоциативных сетей в Self-концепте.

Литература

1. Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи. М., 2004
2. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1998.

Общее и индивидуальное в вербализации супраконцепта «law» (на материале произведений авторов-юристов Дж.Гришэма и С.Туроу).

Ковалева Наталья Васильевна

аспирантка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: nataliya_2007@mail.ru

Ранее нами было показано, что в структуре супраконцепта «law» выделяются базовые и индивидуально-авторские коннотации, реализуемые юридическими языковыми единицами в контексте художественно-беллетристического стиля [5]. Супраконцепт «law» - центральный концепт, объединяющий концепты права, вербализованные юридическими терминологическими единицами в произведениях Дж.Гришэма и С.Туроу. Супраконцепт «law» включает следующие концепты права: «law», «case», «justice», «right», «innocence», «guilt», «indictment», «evidence», «crime», «appeal», «witness» и др.

Цель данного исследования - выявить общее и индивидуальное среди индивидуально-авторских коннотаций супраконцепта «law», вербализованного в тексте художественно-беллетристического стиля.

В качестве основного метода исследования был выбран семантико-когнитивный метод З.Д.Поповой и И.А.Стернина [6; с.13]. Материалом анализа послужила выборка контекстов в количестве более 400 единиц из произведения С.Туроу (Scott Turow «Personal Injuries» (1999)) и более 500 - из произведений Дж.Гришэма (John Grisham «The Client» (1993), «The Partner» (1997), «The Street Lawyer» (1998), «The Brethren» (2000), «The Broker» (2005)).

Проведенное исследование показало, что общими среди индивидуально-авторских коннотаций супраконцепта «law» в произведениях С.Туроу и Дж.Гришэма являются несколько коннотаций:

1. судебный процесс – шоу. Данная коннотация реализуется в следующих смысловых вариациях: судебный процесс – театральное представление, в котором закон играет главную роль; судебный процесс – игра, правила которой диктует закон. Примерами реализации коннотации «судебный процесс - шоу» могут служить: «*It's all in lights: try cases, make money, be a star*» [4; p.300]; «*With a savage blandness he launched into reading of the indictment, and it was quickly apparent that he possessed almost no talent at the atrics, virtually no flair for drama, though he tried mightily*» [2; p.33].

Частным проявлением данной коннотации у Дж.Гришэма и С.Туроу является подчеркнуто театральный образ судьи: «*... God, how did this ox ever pass the bar exam? ... These days, at least, he looks like a judge. Beautiful head of white hair. But he just sort of sits there with this sweet, terrified expression. 'Gosh, I like you all, please don't ask me any hard questions*» [4; p.163]; «*The pajamas and shoes weren't nearly as troubling as the wig...almost white...found...at secondhand costume store... T.Karl wore it to court with great pride, and, odd as it was, it had, with time, become part of the show*» [1; p.1].

2. закон – источник материальной выгоды. Особенностью реализации данной коннотации в произведениях С.Туроу и Дж.Гришэма является ее временной характер. Так, в произведениях Дж.Гришэма данная коннотация имеет эпизодический характер, а у С.Туроу - постоянный. У Дж.Гришэма в некоторых случаях (некоторые герои при некоторых обстоятельствах) воспринимают закон как средство значительного заработка: «*...I evaluate cases based on what juries might do. I can get fifty thousand per case easy*» [3; p.343]. Тогда как в произведении С.Туроу прослеживается прямая зависимость правосудия от финансового обогащения: «*But in my more innocent moments, I liked to discount them, believing that cronyism, not cash, explained the obvious favoritism I, like every other lawyer, had witnessed on occasion over the years*» [4; p.15].

3. закон – средство манипуляции индивидом. Закон предстает как средство эмоционального давления на человека ради достижения какой-либо цели: «*Robbie had never practiced a day of criminal law, but he knew what it meant that the United States Attorney was standing in person... It meant the biggest gun was pointed straight at him*» [4; p.6]; «*The feds attacked with warrants, indictments, investigations, and the Saudis got spooked*» [2; p.393].

По полученным данным можно сделать вывод о том, что индивидуальными среди индивидуально-авторских коннотаций супраконцепта «law» в произведениях С.Туроу и Дж.Гришэма являются несколько коннотаций. Так, в произведении С.Туроу вербализована следующая индивидуальная коннотация: **божественная сила закона:** «*Sennett's agenda, in short, had been to let the light of the law into the crabbed corners of Kindle County...*» [4; p.11].

К индивидуальным коннотациям супраконцепта «law» у Дж.Гришэма относятся: **закон – высшая истина:** «*The law is a higher calling, he said. «It's more than making money*» [3; p.175]; **заурядность бракоразводного процесса и связанных с ним имущественных споров:** «*A month late she filed for divorce, a raucous contest that would eventually cost him over three million bucks*» [2; p.58].

Вербализация супраконцепта «law» происходит с двух позиций, а именно: «law» с позиции subject→law (закон как зависимое от индивида) и law→object (закон как независимое от индивида) [5]. В произведениях Дж.Гришэма «law» с позиции subject→law – это преломление закона под интересы индивида, у С.Туроу – закон выступает как средство достижения чьих-либо интересов. С позиции law→object у Дж.Гришэма – закон выражает высшую истину, у С.Туроу – закон обладает божественной силой, выступает как высшая истина.

Таким образом, индивидуальное и общее в языковой реализации супраконцепта «law» в контексте художественно-беллетристического стиля отражает специфику семантического пространства в произведениях С.Туроу и Дж.Гришэма.

Литература

1. John Grisham. The Brethren. Dell books, 2000.
2. John Grisham. The Partner. Island books, 1997.
3. John Grisham. The Street Lawyer. Arrow books, 1998.
4. Scott Turow. Personal injuries. New York, Warner books, 1999.
5. Ковалева Н.В. «Правовые концепты в творчестве Джона Гришэма: состав, смысловая структура и языковая реализация» // Сб. научной конференции «Восток-Запад: Диалог культур» МГУ, 2008 г.
6. Попова З.Д., Стернин И.А.. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж, «Истоки», 2006.

Специфика семантики корневой морфемы

Кузнецов Андрей Владимирович

аспирант

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

elendil2003@mail.ru

В большинстве работа по словообразованию проблемы, связанные с корнем, практически не затрагиваются, а основное внимание уделяется аффиксации и другим вопросам. Причина этого была сформулирована М. А. Кронгаузом [Кронгауз 2001, 15]. Он указывает, что *структура* корня изучена уже очень хорошо на материале многих языков, а *семантика* корневой морфемы не имеет определяющего значения для описания системы языка. Значением корня обычно считают абстракцию над значениями членов соответствующего словообразовательного гнезда.

М. А. Кронгауз справедливо подчеркивает, что подобный подход, в целом хорошо обоснованный, является всего лишь допущением.

В данной работе делается попытка выработать новый подход к корню, позволяющий объяснить специфику его семантики.

В языке, как известно, не существует исторически непроемных слов. Любое слово с тот или иной период развития языка было произведено от другого слова. Исключение составляют только звукоподражания (*Miau* и т. д.)

В синхронии большинство слов сохраняет непосредственную связь со своими производными. Однако существует также значительное количество случаев, когда однокоренные слова сильно расходятся между собой по смыслу, напр: *Katze – Meerkatze, Gras – Bartgras, Beere – beeren*. Именно существование таких слов и объясняет интерес к исследованию семантики производных слов и семантики корня.

Таким образом, представляется продуктивным выстроить концепцию корневого значения, рассматривая корень прежде всего как слово, выступающее в процессах словообразования и в связи с этим проявляющее некоторые специфические семантические свойства.

Для подобного исследования идеальным представляется именно немецкий язык, из-за развитой словообразовательной системы и аналитического строя, вследствие чего в немецком языке корень при словообразовании меняется не так сильно, как в языках типа русского, где фузия может «размыть» слово до неузнаваемости и привести даже к возникновению нулевого корня – *вынуть*.

Прежде чем перейти к описанию корневого значения, необходимо обратить внимание на специфическое положение словообразования в системе языка. Словообразование имеет прежде всего номинативную функцию. Количество окружающих нас предметов и явлений потенциально бесконечно, ресурсы же нашей памяти и нашего языка в принципе ограничены определенным запасом слов. Создание новых имен для вещей и явлений на базе уже существующего лексического запаса и обеспечивается словообразованием.

В связи с этим слово при деривации и словосложении может значительно расширять свое значения. Значение корня, в отличие от целого слова, становится гораздо более *диффузным*, что позволяет подвести под соответствующую категорию большое количество новых понятий.

В качестве примера можно привести достаточно обширное гнездо слова *Apfel*. Это обозначение может распространяться на плоды других деревьев, достаточно сильно отличающиеся от яблока:

Apfelsine - апельсин (плод, дерево) ; *Chinaapfel* - апельсин, апельсиновое дерево ;

Dornapfel - дурман обыкновенный ; *Eichapfel* - чернильный орешек; *Gallapfel* -

чернильный орешек; *Granatapfel* - гранат (плод); *Sinaapfel* - апельсин; *Stechapfel* -

дурман ; *Steinapfel* - костянокоплодник ; *Laubapfel* - чернильный орешек;

Messinaapfelsine - мессинский апельсин;

Далее следуют случаи еще более размытого значения, ограниченного только несколькими компонентами, например, формой или цветом:

Augapfel - 1) анат. глазное яблоко; 2) самое дорогое, самое важное; *Adamsapfel* - кадык, адамово яблоко; *Diebsapfel* - кляп; *Pferdeapfel* - конский навоз; *Apfelschimmel* - серая в яблоках лошадь; *Reichsapfel* - держава (императорская регалия);

Число таких словообразовательных гнезд очень велико, почти у всех слов существуют производные с сильным изменением значения, однако ограниченный объем статьи не позволяет привести большое количество примеров.

В настоящее время в разработке находится словарь, в котором должен быть отражен ряд наиболее употребительных слов немецкого языка со всеми производными словами.

При этом не следует думать, что *диффузность* корневого значения позволяет использовать данное слово для обозначения любого денотата. Существует ряд факторов, которые воздействуют на изменение значения слова в его производных. Эти факторы носят не чисто языковой, а скорее лингвокультурный характер.

Наиболее важными факторами являются следующие:

1) Культура носителей языка и их представления о мире.

В немецкой культуре, например, существуют слова *Lebensabend* - закат жизни, старость; *Fastenabend* - вторник перед началом поста (последний день карнавала, масленицы) *Kneipabend* - кутёж, попойка. Эти производные отражают соответствующую особенность культуры, в которой вечер считается окончанием дня и любой деятельности, временем для отдыха и развлечений.

Существует и более наглядный пример – *wolfen* *рвать* *трепать* – от *Wolf*. Логично, что возникновение такого производного предполагает соответствующие представления о волке как о хищнике, раздирающем свою добычу перед тем, как съесть ее. В культуре, в которой волк считается священным животным, в которое переселяются души людей после смерти, возникновение такого производного было бы невозможным.

2) **Фоновые знания.** Существует значительное количество сложных слов, номинация в которых базируется на активизации фоновой информации: *Vogelbeere* рябина (ягоды использовались для ловли птиц), *Seifenkraut* – мыльнянка (растение применялось для приготовления мыла), *Hungerblume* – крупка (ягоды предвещали сильный неурожай), *Zaunkönig* – крапивник (по древней легенде о выборах птичьего короля) [Холкидзе, Кузнецов 2008, 134-137]

3) **Энциклопедические знания.** В этом случае в словообразовании реализуется информация, связанная с использованием данного денотата: *sommern* - 1) *выставлять на солнце, греть* \[сушить\] на солнце; 2) *содержать (скот) на летнем пастбище*; 3) *с.-х. засеять яровыми*; 4) *обрезать (лишние) ветви (у дерева)*; 1) *зеленеть, быть в зелени*; 2) *сплавлять (брёвна), гнать плоты*;

4) **Этимологическое значение.** Встречаются, хотя и достаточно редко, случаи активизации исходного этимологического значения при словообразовании:

gebürstet – *поднятый, возвышенный* от *die Bürste* – *щетка*.

Слово *Bürste* возводится к индоевропейскому корню **bhar-* *острие, шип, щетина*, и первоначально означало нечто устремленное вверх.

Указанные особенности корневых морфем не охватывают, разумеется, всей специфики корневого значения – она нуждается в дополнительном исследовании – но даже приведенного материала достаточно, чтобы сделать вывод: корень как единица языковой системы обладает такими особенностями семантики, которые отсутствуют у самостоятельных слов.

Литература.

1. Кронгауз М. А. Семантика. М.: РГГУ, 2001.

2. Холкидзе Ю. В., Кузнецов А. В. Вербализация фоновых знаний в процессе словообразования (на материале немецкого языка) // Частные проблемы лексикологии немецкого языка. М.: 2008.

Содержание и структура концепта «*étranger*/иностранец» в языковом сознании россиян и французов

Куц Евгения Владимировна

студентка

Мурманский государственный педагогический университет, Мурманск, Россия.

E-mail: evgenia_50@list.ru

Образы иностранцев неотъемлемая часть любой национальной культуры, поэтому эффективность межкультурного диалога в немалой степени зависит от образа носителей того или иного языка.

Предметом данного исследования является сравнительное изучение представлений об иностранцах у французов и россиян с целью описания содержания и структуры образов сознания и выявления их национально-культурной специфики.

Главным методом измерения подобной специфики избрано сопоставительное изучение ассоциативных полей, полученных на слова эквиваленты в двух культурах, «поскольку кросскультурные исследования являются одним из наиболее эффективных элементов содержания сознания» (Горошко, 2001).

Материалом исследования послужили данные лингвокультурологического эксперимента, проведенные Н.И.Кургановой во Франции и России с целью выявления общего и национально-особенного в ментальном содержании культуры у носителей разных языков. В качестве испытуемых выступили студенты факультета иностранных языков Мурманского государственного педагогического университета и французские студенты из города Лиона (Ecole Normale Supérieure и Université Lyon II), по 67 человек с каждой стороны в возрасте от 17 до 27 лет.

Согласно заданию участники эксперимента должны были назвать первые пять слов по ассоциации со словом-стимулом «*étranger*/иностранец». Ассоциативные поля, полученные в двух группах испытуемых на слово-стимул «*l'étranger*/ иностранец» содержат приблизительно 335 вербальных реакций, выраженных словом или словосочетанием.

Анализ результатов ассоциативного теста осуществлялся в четыре этапа:

1)выбор реакций из протоколов эксперимента, составление списка полученных реакций по убыванию частотности; 2)структурирование ассоциативного поля на ядро и дополнительные компоненты; 3)сопоставление ядерных компонентов ассоциативных полей слов-эквивалентов; 4)классификация компонентов поля на тематические группы с точки зрения семантико-тематической принадлежности (Курганова Н.И.).

Мы полагаем, что выделенные тематические группы будут определять структуру представлений об иностранцах в двух группах испытуемых.

У французов были выделены следующие группы:

1. Группа «Роль иностранца» включает 76 элементов, например, *découverte*-40, *échange*-26, *expérience*-8. Это дает нам основание говорить, что при общении с иностранцами французы приобретают опыт, открывают для себя что-то новое и при этом обмениваются культурными ценностями и знанием.
2. Направление «Время» (63) показывает, что французы встречаются с иностранцами во время каникул (*vacances*, *voyages*-51), а также во время посещений каких-либо мест (*visite*-7).
3. В группе «Культурные и языковые атрибуты» (57) у французов имеют место такие реакции, как *culture*-35 и *langue*-22, что говорит о наличии у французов представлений об иностранце как носителя другой культуры и языка.
4. Направление «Пространство» (43) указывает на место, где можно встретить иностранцев, например, *pays*-17, *loin*-10, *avion*-1, *bateau*-1, *train*-1.
5. В группе «Свойства/качества» (30) доминирует реакция *inconnu*-20. Это позволяет сделать вывод, что французы воспринимают иностранцев как незнакомых людей порой

даже странных (étrange-1). В тоже время иностранец – это открытый (ouvert-4) и позитивный (riche-2) человек.

6. В группе «Отношение» (21) преобладает положительное восприятие иностранцев (16). Иностранцы привлекают французов, вызывают у них интерес и любопытство (attirance – 5, curiosité - 4, intérêt-3). Наряду с этим у некоторых французов иностранцы ассоциируются со страхом, разочарованием и трудностями (crainte-1, déception-1, difficulté-1). Скорее всего, это связано с личным опытом испытуемых, который они приобрели при общении с иностранцами.

7. Направление «характер связи» представлено незначительным количеством элементов (7), которые указывают на то, что иностранец для французов является другом (amis - 5) или просто знакомым (connaissances).

8. В группе «Национальная принадлежность/социальный статус» (8) указаны страны, такие как Angleterre, USA. Социальный статус иностранцев представлен компонентами réfugié-1, immigré-1, что отражает политическую ситуацию в стране, т.к. французское правительство предоставляет убежище многим иностранцам.

Вербальное поле, полученное в российской группе испытуемых, представлено следующими тематическими группами:

1. Первое место занимает группа «Культурные и языковые атрибуты» (69). Таким образом, иностранцы характеризуются другим языком-39, акцентом-14, культурой-11, менталитетом-5.

2. В группе «Роль иностранца» представлены компоненты, которые указывают, что общение с иностранцами дает россиянам языковую практику-11, информацию о другой стране-5, а также дает возможность для учебы-2, работы-6 и замужества-5.

3. В группе «Свойства/качества»(58) доминирует реакция «другой»-26, т.е. россияне указывают на различия между собой и иностранцем. Также, для одних российских студентов иностранец является веселым, обаятельным-7 и успешным человеком-2, а для других странным-7 и чужим-4.

4. Направление «Отношение»(54) отражает интерес и любопытство-45 россиян к иностранцам, но у некоторых они вызывают непонимание-6 и проблемы-4.

5. В группе «Национальная принадлежность» (20) россияне указали национальность иностранцев (американец-4, француз-4, немец-4), страну (Франция-1, Норвегия-1) и город проживания (Париж-1, Лондон-1). Следует отметить, что данные реакции обусловлены спецификой факультета, в котором проходил эксперимент.

6. Направление «Пространство» (15) указывает возможные места встречи с иностранцами, например, на море-5, за границей-4 и в музеях-4.

7. Группа «Характер связи» отражает личную связь россиян с иностранцем, который является для них другом по переписке, на что указывают такие компоненты как друг-5, письмо-5.

8. Направление «Внешние атрибуты иностранца» (7) показывает, что россияне обращают внимание на то, как одет иностранец (джинсы-1, кроссовки-1) и что он имеет при себе (жвачка-1, бутылка водки-1).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что у французов и россиян имеются различия в структуре представлений об иностранцах, поскольку схема сбора и обработки информации детерминирована культурой, в которой происходит социализация личности, историческими условиями, а также социально-экономической и политической ситуацией в стране.

Литература

1. Горошко Е.И. Языковое сознание (ассоциативная парадигма). М., 2001.
2. Курганова Н.И. Межкультурный диалог как способ освоения культуры. - Мурманск, 2007.
3. Тарасов Е.Ф. Этнокультурная специфика языкового сознания. Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2000

Семантическая составляющая концепта «glamour» в английском языке

Платонова Наталья Степановна

аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: platonova_natali@mail.ru

Несмотря на то что понятие *концепт* можно считать для современной лингвистики утвердившимся, его содержание существенно варьируется в концепциях разных научных школ и отдельных ученых. В рамках данного исследования мы понимаем под *концептом* когнитивную категорию, которая моделируется в национальной концептосфере с помощью лингвистических средств. Поэтому, чтобы получить доступ к концепту, необходимо, прежде всего, выявить состав объективирующих его языковых единиц и описать их семантику.

В качестве основного языкового конструкта рассматриваемого концепта <glamour> мы принимаем словарную дефиницию ключевого слова-репрезентанта, содержащуюся в Толковом словаре английского языка Уэбстера:

- glamour – 1) “a magic spell, bewitchment”;
2) “an elusive mysteriously exciting and often illusory attractiveness”;
3) “strangely alluring atmosphere of romantic enchantment”;
4) “bewitching intangible irresistibly magnetic charm”;
5) “personal charm and poise combined with unusual physical and sexual attractiveness” [7; 962].

Первое из значений появилось в результате деформации и логического изменения слова *grammar*, что произошло в результате проводимой ассоциации между эрудицией и начитанностью с оккультной деятельностью [7; 962]. Однако следует отметить, что в настоящее время данное значение, будучи первичным и ядерным с точки зрения исторического анализа его появления и роли в формировании производных семантических признаков, отнюдь не является самым частотным. Большинство проанализированных солидных изданий, таких как LDELС [4; 550], OALDCE [2; 364], MEDAL [5; 601] и LDCE [3; 600], либо вовсе не включают его в состав словарных дефиниций, либо фиксируют как вышедшее из употребления с пометой “origin” - [6; 383].

Чаще всего из вышеприведенного списка актуализируется второе значение, которое постепенно развивается из первого в результате смыслового сдвига и появления дополнительных связей с концептами богатства и успеха – “glamour – the attractive and exciting quality that something has because it is connected with wealth and success” [3; 600].

Все вышеуказанные толкования имплицитно связаны с первым и характеризуются наличием у них единой денотативной основы, образуемой лексемами *charm*, *attractiveness*, *beauty*, и общего коннотативного слоя, состоящего из оценочных и стилистических компонентов следующего порядка: а) прилагательные с высокой оценкой качества: *exciting*, *unconventional*, *colourful*, *exotic*, *alluring*; б) оценочные прилагательные *elusive*, *often illusory*, которые передают представление о ненадежном, ускользающем из памяти, иллюзорном характере красоты; в) прилагательные и наречия, усиливающие эмоциональный эффект от восприятия чего-то, не поддающегося разумному объяснению, и выражающие стойкую когнитивную связь с внутренней формой лексемы *glamour*, то есть с первым из взятых за основу значений: *intangible*, *unusual*, *mysteriously*, *strangely*.

Для базовой лексемы *glamour* характерны следующие слова-дериваты, которые помогают наиболее полно представить содержание изучаемого концепта, а именно: *glamorous*, *glamourless*, *glam*, *to glamorize*, *to glam up*, *to glamour*, *glamorizer*, *glamorization*, *glamorously*, *glamorousness*. Рассмотрим наиболее часто употребляющиеся из них.

В словаре CALD дается следующее определение прилагательного glamorous: “attractive in an exciting and special way” [1; 538]. Как контекстуальные синонимы лексемы glamorous выступают прилагательные fascinating, enchanting, alluring, attractive, exciting, неоднократно используемые авторами разных словарей для толкования значения рассматриваемого дериватива. Следует отметить, что прилагательное glamorous в рамках концептуального поля glamour объединяет:

1) образы, которые являются эталонами красоты: “A woman is glamorous if she wears clothes that show off her body, provided that the body is worth it” (женский журнал Harper’s Bazaar, 1994. - №11);

2) логические представления о статусной категории гламурного, включающие финансовые и социальные характеристики: “A person, place or activity that is glamorous seems very attractive and exciting, because it’s beautiful or is connected with wealth and success” [3; 600].

Глагол to glamorize передает два ключевых значения: 1) “to make glamorous; add glamour to; make more attractive especially in a superficial illusory way”; 2) “to attribute glamour to; look upon as glamorous, view or treat romantically” [7; 962]. Различные определения лексемы to glamorize, содержащиеся в словарях, по существу весьма схожи. Их инвариант лучше всего выражает центральная часть вышеприведенного толкования: “make more attractive”, уточняемая в Оксфордском словаре современного английского языка путем указания на свойства объекта и характер происходящего процесса: “to glamorize – make (something bad) seem glamorous or desirable” [6; 383].

Следующим немаловажным репрезентантом концепта <glamour> является лексема glamorization, которая получает следующую трактовку: “the act of glamorizing or the process of being glamorized” [7; 962]. В этом смысле <glamour> предстает как прагматическая категория, способствующая эстетизации бытия человека.

Подводя итог вышесказанному, представляется возможным высказать гипотезу о том, что, несмотря на длительное существование концепта <glamour> в английском языке и культуре, его ядро остается неизменным и представляет собой историческую основу, которая со временем обрастает концептуальными наслоениями. Это своего рода внутренняя форма, образованная лексемами “magic, spell, bewitchment, enchantment” и выявленная в результате семантико-когнитивного анализа ключевой лексемы-номинанта (существительного glamour). Она оказывает влияние на формирование целостной структуры концепта в направлении от центра к периферийным отделам.

Литература:

1. Cambridge Advanced Learner’s Dictionary / edited by E. Walter. – second edition. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – 1572 p.
2. Hornby, A. S. Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English / A. S. Hornby. – М. : Издательство «Сигма-пресс», 1996. – 1199 p.
3. Longman Dictionary of Contemporary English / edited by Della Summers. – Harlow : Pearson Education Limited, 2001. – 1668 p.
4. Longman Dictionary of English Language and Culture / edited by Della Summers. – Harlow : Longman Group UK Limited, 1993. – 1528 p.
5. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition / edited by Michael Rundell. – Oxford : Macmillan Education, 2002. – 1692 p.
6. Oxford Dictionary of Current English / edited by Catherine Soanes. – third edition. - Oxford : Oxford University Press, 2001. – 1083 p.
7. Webster’s third new international dictionary of the English language / editor in chief Philip Babcock. – Chicago : Encyclopaedia Britannica, Inc., 1993. – 1016 p.

Концептуальное поле «Еда» в романе Д.Р.Р. Толкиена «Властелин Колец» Серебрянская Елена Сергеевна

студентка

Ставропольский государственный университет, Ставрополь, Россия

E-mail: kisses8586@mail.ru

Проблема определения структуры и содержания концепта «Еда» в современной теории языка вызывает повышенный интерес лингвистов, а также психолингвистов, лингвокультурологов, философов, психологов.

Языковая концептуализация еды подразумевает наличие культурной и лингвокультурологической компетенции как когнитивной конструкции, обобщающей знания. Она способствует глубокому пониманию природы культурного смысла, закрепляемого за определенным языковым знаком, а также всех культурных установок и традиций народа. Концепт «Еда» представляет собой сложное ментальное образование, в котором могут быть выделены определенные конституирующие признаки, частично совпадающие и пересекающиеся в русской и английской лингвокультурах. Этим в значительной мере и определен выбор темы нашей дипломной работы.

В работе доминируют следующие положения:

1. Языковая концептуализация понятийной сферы «еда» в русском и английском языках характеризуется многообразием и множественностью лексико-фразеологических средств репрезентации, семантические компоненты которых актуализируют признаки отношения к еде. Социокультурный концепт «Еда» имеет языковое выражение и включает в себя, помимо предметной отнесенности, всю коммуникативно значимую информацию (парадигматические, синтагматические и деривационные связи), формируясь на основе языкового значения ключевых знаков-лексем «есть» и «пить».
2. Традиционным деривационным механизмом языковой концептуализации суперпонятия «еда» в русском и английском языках выступает продуктивный способ образования соответствующего названия блюда или напитка на базе имени собственного, что отражает синтез двух номинационных аспектов- понятийного и индивидуально-личностного. Такие наименования содержат значительный объем социо- и этнокультурной информации, обладают особой культурно-когнитивной коннотацией и словообразовательным потенциалом, реализуя принципы преемственности и развития в процессах категоризации и вербализации окружающего мира.
3. Концепт «Еда» в вербализованном виде представляет собой сложное многослойное образование, имеющее высокую значимость для русской и английской культур, манифестируя как универсальные, так и национально-специфические аспекты, отражающие мифолого-религиозную и культурно-историческую детерминированность формирования соответствующей когнитивно-прагматической области бытия и языковой картины мира двух народов.
4. Концепт «Еда», являясь фрагментом языковой картины мира, эксплицирует соответствующие понятия, представления, образы, установки, приоритеты, стереотипы и оценки, отражающие специфику национального менталитета и мировосприятия, системы социокультурных отношений, традиций, обычаев и верований, характерных для русской и английской культур, в чем проявляются существенные различия исторических судеб этих народов.

Когда концепт получает языковое выражение, то используемые языковые средства выступают как средства вербализации, языковой репрезентации, языкового представления, языковой объективации концепта.

Концепт репрезентируется в языке:

- готовыми лексемами и фразеосочетаниями из состава лексико-фразеологической

- системы языка, имеющими «подходящие к случаю» схемы;
- свободными словосочетаниями;
  - структурными и позитивными схемами предложений, несущими типовые пропозиции (синтаксические концепты);
    - текстами и совокупностями текстов (при необходимости экспликации или обсуждения сложных, абстрактных или индивидуально-авторских концептов).

В романе Д.Р.Р. Толкиена «Властелин Колец» концепт «Еда» реализуется в информативном типе диалога, акционально-предметном типе, ритуализированных речевых жанровых формах.

Опираясь на данные проанализированных научных источников, при описании содержания концепта «Еда» в качестве основополагающих мы приняли следующие положения:

- 1) система культурно-национального миропонимания передается из поколения в поколение с помощью языковой картины мира, которая опосредована культурным знанием;
- 2) фундаментальную основу картины мира составляют концепты, которые понимаются как дискретная содержательная единица ментального лексикона, отражающая предметы и явления реального или идеального мира, хранящаяся в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде, служащая для передачи информации об окружающем мире, определяющая национальное своеобразие языковой картины мира;
- 3) язык признается самым простым способом формирования концептов и самым доступным средством их анализа;
- 4) репрезентантами концепта в языке выступают разноуровневые языковые средства (лексические, словообразовательные, стилистические, грамматические), а также средства прагматики, социокультурные, психологические и т.д.;
- 5) концептуальный анализ заключается в том, чтобы через изучение репрезентантов исследуемого концепта установить связь явления, стоящего за ним, со знаниями об окружающей действительности и определить содержание концепта как единицы ментального лексикона.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека - М., 2001. - 181 с.
2. Карасик В.И. Язык социального статуса. - М., 2002.
3. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка. Известия РАН. сер. лит. ин. яз. - Т. 52. - 1993. - 1 - С. 3-10.
4. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 2001. - 317с.
5. Стернин И.А. Лексическое значение в речи. Воронеж, 2001. - 190 с.

**Концепт «избранность» как доминанта дискурса романа Дж. Брейна
«Путь наверх»**

Старцева Татьяна Валерьевна

студентка

ГОУВПО «Кемеровский Государственный Университет», Кемерово, Россия

E-mail: joz1577@mail.ru

Настоящее исследование посвящено описанию средств концептуализации категории избранности в художественном дискурсе. Данный концепт отражает не только одну из сторон духовной жизни личности, но и сложную систему нравственных и морально-этических измерений национальной картины мира, а также основные тенденции развития современного общества. В структуре языковой личности особое место принадлежит ценностям – наиболее фундаментальным характеристикам культуры, высшим ориентирам поведения человека. По мнению П.С. Гуревича [1995: 120], последние возникают не только на основе знания и информации, но и собственного жизненного опыта индивидуума, они представляют собой личностно окрашенное отношение к миру. Как индивидуальный, так и народный культурно-исторический опыт способствует формированию системы концептов — основных ячеек культуры в ментальном мире человека, существующих в виде понятий, знаний, ассоциаций, переживаний в сознании людей и опредмеченных в языковой форме [Степанов 1997: 41-47].

Разработка концепта избранности представляется интересной и перспективной на материале произведения Д. Брейна (J. Braine. Room at the Top), что обусловлено отсутствием более или менее целостного исследования творчества данного писателя, специфики его стиля и многоплановой репрезентации образов. Актуализация рассматриваемого концепта в дискурсе романа осуществляется на основе ряда информативных факторов: из непосредственного чувственного опыта героя (восприятия действительности органами чувств, а также его предметной деятельности); из мыслительных операций человека с существующими в его сознании концептами; из вербального/невербального общения участников коммуникации.

Обращение к тексту романа позволяет выявить различные языковые средства экспликации/восприятия концепта избранности. Так, важным каналом информации о наличии в художественном дискурсе концепта избранности является **вербальная и невербальная коммуникация** персонажей. Ср.:

I caught Susan's eye; she smiled dazzingly and, riding on it's crest, I went over to the little group which, as I made the terribly long journey across the room, looked more and more impregnable and dangerous, like one of those circular ironclads with revolving turrets which they used in the American Civil War...

"How do you do, Mr. Lampton."
There was a real warmth in Mrs. Brown's voice. Seen at close quarters she looked even more formidable; she had a face which I felt could set like stone with the pride of cast.
[166]

В эту минуту я поймал взгляд Сьюзен: она ослепительно улыбнулась мне, и, ободренный этой улыбкой, я направился к маленькой группе, которая, по мере того как я приближался к ней по этой бесконечно длинной комнате, начинала казаться все более и более неприступной и грозной, - словно бронированные мониторы с вращающимися башнями, которые применялись во время войны между Севером и Югом...

- Здравствуйте, мистер Лэмптон. – В голосе миссис Браун звучала неподдельная теплота. Вблизи она производила еще более внушительное впечатление: я не сомневался, что по велению кастовой гордости ее лицо может стать каменным. [180]

Приведенный коммуникативный эпизод содержит в себе элементы, относящиеся к сфере светской беседы: *How do you do, Mr. Lampton, There was a real warmth in Mrs.*

Brown's voice, she smiled dazzingly. Данные примеры являют собой шаблонные варианты общения – жесты, стандартные фразы, которые используются героями в определенных коммуникативных ситуациях, и которые выступают одной из характеристик избранности, присущей людям, принадлежащим к высшему обществу. Помимо прочего, автор использует элемент религиозного дискурса в описании лица героини: *pride of cast*. В данном случае представление о касте, как о предельно закрытой и непроницаемой группе людей переносится на представителей высшего общества в романе. Отрицательная коннотация усиливается посредством сравнения лица героини с камнем – неким твердым материалом: *set like stone*. В рассматриваемом отрывке также проявляются сдвиги в пространственном восприятии главным героем своего окружения – по мере приближения его к представителям высшего класса возрастает степень искажения пространства: от *little group* до ***more and more impregnable and dangerous, like one of those circular ironclads with revolving turrets which they used in the American Civil War....***

Концепт избранности в ткани произведения формируется также посредством **мыслительных операций героя с концептами**, уже сформированными в его сознании, среди которых важное место занимает ассоциативное поле времени. Ср.:

<p><i>I look back at that raw young man sitting miserable in the pub with a filling of genuine regret; I wouldn't, even if I could, change places with him, but he was indisputably a better person than the smooth character I am now, after ten years of getting almost everything that I wanted. I know the name he'd give me: the Successful Zombie.</i></p>	<p>С неподдельным сожалением и тоской вспоминаю я глупого юнца, изнемогавшего от мук в углу бара. Я не поменялся бы с ним сейчас местами, если бы даже это было возможно. Но он был неоспоримо лучше лощеного субъекта, каким я стал теперь, после того как в течении десяти лет получал почти все, к чему стремился. Я знаю, какой кличкой наградил бы он меня: Преуспевший Зомби.</p>
--	---

Известно, что в художественном дискурсе принцип однонаправленности времени может нарушаться: в воспоминаниях, мечтах человек может уноситься вперед и возвращаться назад, даже останавливать время – все это свойственно перцептивному времени. В приведенном отрывке герой извлекает из прошлого образ человека, каким он являлся в юности, и сопоставляет его с тем, каким он стал в настоящее время. В обоих временных пластах повествование содержит экспрессивную лексику, усиливающую контраст между эмоциональными состояниями персонажа. Ср.: *raw young man, miserable, with a filling of genuine regret :: the smooth character, the Successful Zombie*. И тем острее звучит самоирония героя и его презрительное отношение к тому кругу избранных, попасть в который он считал целью своей жизни. Понятие «*zombie*» одним из своих компонентов связано с концептом смерти, в данном случае нравственной, и не только указывает на духовную ущербность героя, но и выступает как одна из ключевых характеристик избранности в дискурсе произведения.

Таким образом, рассмотрение фактов языковой концептуализации категории избранности в художественном дискурсе романа Д. Брейна «Путь наверх» позволило на данном этапе исследования объективировать ряд ее сущностных признаков и ценностных доминант, актуализированных посредством ментальной, чувственной и речевой деятельности героев и автора произведения: достижение цели любой ценой и любыми средствами, неискренность, дистанцированность, а порой, и враждебность в отношениях между людьми, социальное неравенство, корпоративность стиля одежды и поведения.

Литература

1. Гуревич, П. С. Философия культуры [Текст] / П. С. Гуревич. – М.: Аспект Пресс, 1995. – 167 с.

2. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. – 824 с.
3. Braine, J. Room at the Top [Текст] /J. Braine. – М.: Юпитер-Интер, 2005. – 248 с.

Реализация концепта «мечта» в англоязычной картине мира

Финогеева Анна Александровна

студентка

Челябинский государственный университет

E-mail: FinogeevAna@gmail.com

Язык – важнейший способ формирования знаний человека о мире. Отображая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует результаты познания в словах. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, и представляет то, что принято называть «языковой картиной мира». «Если мир – это человек и среда в их взаимодействии, то картина мира – результат переработки информации о среде и человеке». [Маслова 2001: 64]. Языковая картина мира реализуется через концепты. Итак, наша работа посвящена изучению концепта «мечта» в англоязычной картине мира. Термин «концепт» применительно к лингвистической науке был введен в обиход А. Вежбицкой, которая определяет концепт как «объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурнообусловленные представления человека о мире «Действительность» [Вежбицкая 1997: 124]. Концепт является одним из основных, сложных и, в то же время, самых интересных понятий когнитивной лингвистики. Концепт выступает как обозначающее содержательной стороны языкового знака, в нем органически сливаются логико-психологические и языковедческие категории, он отражает этническую специфику представления языковых знаний. Вслед за Степановым Ю.С. под концептом мы понимаем сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека [Степанов 1997: 43].

Цель нашего исследования заключается в описании специфики реализации концепта «мечта» в английском языке на примере высказываний американских и английских писателей, поэтов, журналистов, ученых и других видных представителей искусства. В нашем исследовании мы установили, что три англоязычных слова *dream*, *reverie* и *daydream* несут в себе значение «мечта». Так, мы установили, что слово *dream* эволюционировало из восточно-германского *draugmas* и имеет родственные слова в древнескандинавском, датском, шведском, нидерландском языках. Если обратиться к этимологии слова *reverie*, то можно установить, что оно появилось в 1366 году в значении "грубое, варварское поведение" и, возможно, произошло от старофранцузского *reverie* "шумное веселье; исступление, экстаз". Слово *daydream* состоит из двух корней *day* и *dream*, точную дату слияния которых нам установить не удалось. Проведя сравнительное сопоставление лексических значений исследуемых слов, мы пришли к выводу, что у них прослеживается одно общее значение - «мечта». Причем необходимо отметить, что слово *dream* включает в себе значения, передающиеся как словом *daydream*, так и словом *reverie*, то есть оно может означать не просто мечту, но и задумчивость, витание в облаках. Очень важно, что все эти три слова являются синонимами и легко заменяют друг друга в большинстве контекстов. Самая большая лексическая сочетаемость выявлена у слова *dream*, которая чаще всего реализуется в устойчивых выражениях прилагательного с существительным, где *dream* является прилагательным (*dream team*). Особый интерес представляют сочетания существительного *dream* с предлогами (*beyond your (wildest) dreams*), среди которых преобладающее число идиоматических выражений. Что касается слова *reverie*, то его лексическая сочетаемость выявлена нами только на уровне словосочетаний, выражающих отношения между субъектом и объектом (*to be lost in reverie*). Также нами были определены общие синонимы для всех трех исследуемых слов: *fantasy*, *delusion*, *trance*, *imagination*. Изучая лингвокультурологические особенности концепта «мечта», мы вывели пять образов, в которых изучаемый нами концепт реализуется чаще всего. Первый образ – это мечта-реальность, в него мы включили все высказывания о мечте, в которых представляется повседневная жизнь человека, некоторые авторы называют саму мечту реальностью, другие же указывают на то, что именно сама мечта порождает

реальности. Второй образ – это мечта-ключ к познанию человека. Так, через наши мечты мы можем глубже понять сущность человека; в своих мечтах мы должны верить в самих себя, в свои способности и возможности. Третий образ – это мечта-инструмент для познания жизни. Сюда мы отнесли все высказывания, в которых мечта сравнивается с каким-либо образом, через который человек может изучить окружающий мир и найти ответы на волнующие его вопросы. Условно этот образ можно разбить на несколько составляющих: а) мечта-идея, образ; б) мечта-воображение; в) мечта-планирование. Следующий образ – это мечта-будущее. В этих цитатах люди рассуждают о будущем, называя мечту предсказателем и утверждая, что будущее может быть создано только через мечту. И пятый образ – это мечта-ответ, так, мечта может дать человеку ответ на многие возникающие вопросы. В этом случае она отождествляется с правдой.

Литература

1. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. – С. 21, 121-138, 126, 201-203, 238, 413.
2. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. - М., 1997.
3. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – М.: Тетрасистемс, 2001.

Концепт «дружба» в англоязычной и немецкоязычной картинах мира

Хаметова Марина Фаритовна

преподаватель

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

E-mail: mar2812@rambler.ru

В истории любой национальной культуры вопросы, касающиеся человеческих взаимоотношений, таких как любовь и дружба, всегда имели и до сих пор имеют первостепенное значение. Люди пытаются выяснить, в чем заключается смысл дружбы, кто такой друг, и почему дружба так необходима, однако эти вечные вопросы, не имеющие однозначного толкования, вызывают множество споров. Тем не менее человечество не оставляет упорных попыток осмыслить феномен самой дружбы; самосознание, жизнеощущение и миропонимание человечества во многом определяется отношением к дружбе. Исследование таких концептов как «Дружба» предполагает анализ тех фрагментов текста и тех фразеологизмов, которые так или иначе связаны с этим явлением с целью выявления концепта данной реальности. Для того, чтобы установить элементы этих концептов, необходимо, прежде всего, обратиться к семантической структуре имен, связанных с этим общим понятием. Тезаурус Роже позволяет определить круг активно используемых лексем в связи с концептом «дружба». На первом месте здесь имеют значение согласие, совместимость, понимание, способность к формированию групп, общность интересов, интимные, сексуальные и семейные отношения, спонсорская помощь, любовь, начало и восстановление дружбы. Из этих значений можно сделать вывод, что основным смыслом дружбы является общение с человеком, основанное на взаимной схожести, знании качеств этого человека и любви, которое приносит мир и покой; оно имеет начало, может быть прервано и потом возобновиться. Друг противопоставляется врагу. Языковая концептуализация дружбы представляет собой осмысление её существенных признаков и фрагментов, которое объективируется в виде соответствующих языковых единиц.

Являясь одним из самых важных явлений в человеческой жизни, "дружба" как понятие универсально с точки зрения совокупности существенных признаков, наполняющих его. Языковые интерпретации этого понятия позволяют выявить многогранность и многокомпонентность этого концепта.

Мы провели исследование и проанализировали 300 английских и 280 немецких высказываний. Согласно результатам нашего исследования, на основе выделенных признаковых характеристик нами был определен языковой корпус лексико-фразеологических единиц со значением "дружба". Анализ этих единиц позволил выявить особенности их употребления, а также выделить ценностные доминанты, связанные с интерпретациями анализируемого понятия в англоязычной и немецкоязычной этнокультурной общности: это продолжительные отношения между людьми, взаимная привязанность, уважение и доверие, взаимопонимание, откровенность, взаимопомощь, сопереживание, искренность и бескорыстие, любовь и знание. Мы составили процентное соотношение проанализированных нами моделей:

Англоязычная картина мира	Немецкоязычная картина мира
Friendship – Amity (28%)	Freundschaft – freundliche Beziehungen (59%)
Friendship – Support (21%)	Freundschaft – Unterstützung (13%)
Friendship – Love (17%)	Freundschaft – Feindschaft (7%)
Friendship – Likeness (11%)	Freundschaft – Ähnlichkeit (6%)
Friendship – Enmity (9%)	Freundschaft – Vorteil (4%)

Friendship – Introduction (5%)	Freundschaft – Liebe (3%)
Friendship – Sociality (4%)	Freundschaft – Familienbeziehungen (2%)
Friendship – Brotherhood (3%)	Freundschaft – Vertraulichkeit (2%)
Friendship –Intimacy (2%)	Freundschaft – Brüderlichkeit (2%)
	Freundschaft – Verkehr (2%)

Интересно, что во время нашего исследования концепта “дружба” в немецком языке нами был выявлен новый компонент дружбы – расчет (“Vorteil”), который носит ярко выраженный отрицательный характер. На наш взгляд, менталитет и культурные ценности являются основной причиной данного расхождения. Зачастую многие немцы ассоциируют дружбу с личным интересом, а не с добродетелью, и многие так называемые “дружеские отношения ” на самом деле оказываются коммерческими предприятиями. Что касается английского языка, то здесь следует отметить такой компонент, как дружба - начало дружбы (“Introduction”), который отсутствует в немецком языке. Эта лексема относится к наименее частотным составляющим концепта дружба в английском языке. По мнению многих англичан и американцев, как и любые межличностные отношения, дружба имеет свое начало. И у всех это происходит по-разному, в зависимости от личностных качеств, ситуации или проблемы, которая в данный момент стоит перед человеком.

Современный человек общается с множеством разных людей. Даже семья потеряла былую устойчивость. Мобильность «вырывает корни» и делает отдельных людей менее значимыми в их взаимоотношениях друг с другом. В современном обществе, где конкретный индивид, растворяется в общей массе, перечеркивающей его индивидуальность, глубокая и длительная дружба практически невозможна. Но тем не менее, дружеские отношения возглавляют список важнейших ценностей и условий личного счастья, часто считаются даже более важными, чем семейно-родственные связи.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Логический анализ языка: Культурные концепты [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Восточная литература, 1995. – 472 с.
2. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1999. – 780 с.
3. Мамонтов, А.С. Язык и культура: сопоставительный аспект изучения [Текст] / А.С. Мамонтов. – М.: Институт языкознания РАН, 2000. – 187 с.
4. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю.С. Степанов. – М., 1997. – С. 57
5. Фрумкина, Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога [Текст] / Р.М. Фрумкина // Научно-техническая информация. Серия 2. – 1992. - № 3. – С. 112

О факторах, обуславливающих принадлежность английских суффиксов к акцентным классам

Чорногор Юлия Фёдоровна

ассистент

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

E-mail: jchornogor@yandex.ru

Введение

При всем разнообразии подходов к вопросам деривационного ударения многие зарубежные и отечественные лингвисты признают, что акцентные модели суффиксальных производных зависят от активной или пассивной роли суффиксов в формировании акцентных моделей дериватов [2:40-42; 3:57; 6:124-125; 7:3].

В основе исследования, давшего материал для настоящей статьи, лежит традиционное для западноевропейской фонологии разделение производных суффиксов на акцентные классы по воздействию на акцентную структуру деривата [1:162; 2:40]. В соответствии с этим делением, одни суффиксы обуславливают сдвиг ударения в производном слове, другие, напротив, не влияют на него. В англоязычной терминологии они обозначаются как нейтральные и сдвигающие ударение суффиксы (*stress-neutral / stress-shifting*). Некоторые ученые дополнительно выделяют смешанный акцентный класс суффиксов [2:45-46]. Поскольку в отечественной лингвистической литературе нам неизвестны эквивалентные термины для обозначения акцентных классов, мы называем их сильным, слабым и смешанным классом.

Предметом изучения явились системные факторы деривационного ударения. Под системными факторами деривационного ударения здесь понимаются разноуровневые дифференциальные признаки суффиксов, присущие большинству суффиксов того или иного акцентного класса и противопоставляющие этот акцентный класс какому-либо другому акцентному классу (классам).

Задачами исследования явились: во-первых, выявление системных факторов деривационного ударения, во-вторых, определение количества факторов, достаточного для прогнозирования принадлежности суффиксов к акцентному классу, и, наконец, составление алгоритма для распределения суффиксов английского языка по акцентным классам на основании дифференциальных признаков суффиксов.

Ранее Г. Маршанд отмечал связь акцентной структуры дериватов с происхождением суффиксов, которая заключается в том, что все исконно-английские суффиксы не влияют на постановку деривационного ударения [4:167]. Но для определения акцентного класса суффиксов этимологического признака оказывается недостаточно, поскольку заимствованные суффиксы, преобладающие в английском языке, входят во все акцентные классы. Кроме того, ни одна из тенденций ударения, предлагаемая лингвистами (ритмическая, семантическая, морфологическая и т.д.) [5:271-280; 8:75-76], не позволяет точно распределить суффиксы английского языка по акцентным классам. Поэтому необходимо выявление еще одного или нескольких дифференциальных признаков суффиксов, обуславливающих принадлежность суффиксов к акцентному классу.

Методы

Для проведения исследования был отобран суффиксальный инвентарь объемом 104 суффикса посредством сопоставительного анализа семи значительно отличающихся суффиксальных списков отечественных и зарубежных авторов, при этом из 483 морфем были отобраны только те суффиксы, которые встречаются не менее чем в четырех из рассматриваемых списков. Далее, посредством анализа акцентной структуры сплошной выборки 24236 дериватов нами были определены акцентные характеристики суффиксов, в результате чего нашли подтверждение общепризнанные акцентные модели 11 суффиксов, а для 93 суффиксов акцентные модели были определены заново. На

основании выявленных акцентных характеристик изучаемые суффиксы были количественно распределены по трем акцентным классам: сильный (48 суффиксов), слабый (44 суффикса) и смешанный класс (12 суффиксов).

На следующем этапе исследования нами выявлялись системные для деривационного ударения факторы. Для этого 104 суффикса были описаны по 15 дифференциальным признакам суффиксов. Затем методом частотного анализа полученного эмпирического материала были определены релевантные дифференциальные признаки для каждого из трех акцентных классов.

Результаты

Выявлены восемь факторов, в различной степени связанные с акцентными характеристиками суффиксов, на четырех языковых уровнях: этимологическом, фонологическом, словообразовательном и стилистическом.

На этимологическом уровне языка релевантными для деривационного ударения являются такие характеристики суффиксов, как происхождение (исконное или заимствованное) и период появления в языке (древне-, средне- или новоанглийский). На фонологическом уровне выявлены три релевантных фактора: слоговой вес суффикса, фонематическая вариативность и количественный фактор в слоговой структуре суффикса. К релевантным факторам словообразовательного уровня мы относим такие характеристики, как количество дериватов с суффиксом и тип производящей основы. Стилистический уровень представлен такой характеристикой, как принадлежность суффикса к научному жанру. На основании этих факторов выявлен ряд оппозиций между акцентными классами.

Степень диагностической силы восьми системных факторов деривационного ударения является неодинаковой. Мы выделили три основных системных фактора деривационного ударения, которые в совокупности обладают наибольшей диагностической силой для суффиксальных морфем: 1) этимология суффиксов, 2) диахроническая продуктивность и 3) слоговой вес.

Названные факторы обнаруживают следующую связь с акцентным поведением суффиксов. По этимологии все сильные и смешанные суффиксы являются заимствованными, а большинство суффиксов слабого класса (75%) – исконно-английского происхождения. Изучение диахронической продуктивности суффиксов показало, что заимствованные суффиксы слабого класса обладают низкой продуктивностью, а суффиксы смешанного класса – высокой. Суффиксы сильного класса по продуктивности различаются, но при учёте фактора слогового веса оказывается, что легкие по слоговому весу суффиксы высокопродуктивны, а тяжелые суффиксы, как правило, непродуктивны. По слоговому весу суффиксы слабого класса являются преимущественно легкими (86%), в смешанном классе преобладают тяжелые суффиксы (58%), сильный класс по этому признаку демонстрирует разнородность.

На основании трех указанных дифференциальных характеристик суффиксов составлен алгоритм, который позволяет успешно определить принадлежность к акцентным классам у 94% суффиксов английского языка.

Литература

1. Benua, L. (1997) *Transderivational identity: Phonological relations between words*. Ph.D. U. Mass. Amherst.
2. Fudge, E. (1984) *English word-stress*. London.
3. Kingdon, R. (1958) *The Groundwork of English Stress*. Longman.
4. Marchand, H. (1960) *The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation. A synchronic-diachronic approach*. Wiesbaden.
5. Васильев В.А. (1970) *Фонетика английского языка. Теоретический курс*. М.
6. Васильев В.А., Буренкова О.В. (1962) *Фонетика английского языка. Норм. курс*. Л.
7. Вольфсон И.И. (1959) *Словесное ударение в англ. языке: Дисс. канд. филол. наук*. М.
8. Торсуев Г.П. (1977) *Константность и вариативность в фонетической системе*. М.

Роль концепта «зрительное восприятие» в языковой картине мира

Эргашева Саодат Обиджоновна

Аспирант

Национальный университет Узбекистан имени Мирзо Улугбека, г. Ташкент

e-mail: anjelic@yandex.ru

Настоящее исследование посвящено когнитивному анализу зрительного восприятия и, определению его роли в познавательной деятельности человека. Актуальность работы обусловлена интересом к вопросам роли языковых единиц в систематизации и передаче знаний. Поскольку когнитивный подход является многоаспектным и охватывает обширный материал, накопленный в лингвистике, в настоящее время прочно входят в лингвистический обиход принципы исследования, ориентированные на когнитивное содержание и функциональное назначение языковых единиц.

Поскольку язык является одной из форм мышления, носители разных языков отличаются друг от друга и формами своего языкового мышления. Каждый язык концептуализирует мир, создает свою языковую картину мира.

В современной лингвистике под языковой картиной мира традиционно понимается «национальная картина мира, дополненная ассимилированными знаниями, отражающая мировоззрение и мировосприятие народа, зафиксированная в языковых формах, ограниченная рамками консервативной национальной культуры этого народа» [Пименова 2004: 5]. Таким образом, языковая картина мира тесно связана с концептуальной картиной мира, а также с языком. Концепты имеют различные способы объективации, среди которых язык играет первостепенную роль. По мнению М.В. Пименовой, концепт – это «означенный в языке национальный образ, символ, идея» [Пименова 2004: 47]. В связи с этим представляется актуальным рассмотрение языковой объективации концептов в языковой картине мира с целью выявления их национально – культурной специфики.

В. Гумбольдт полагал, что языки различаются не только звуковыми оболочками смыслов и даже не этими смыслами, но самим способом выделения значений, самим способом восприятия и осмысления мира. Согласно его учению, различные языки являются различными мировидениями и, специфику каждого конкретного языка обуславливает «языковое сознание народа», на нем говорящего. [Гумбольдт 1985: 373].

Язык рассматривается как средство выражения культуры народа, в том числе и как средство передачи этнического угла зрения на окружающий мир и место человека в нем. Такой подход актуализирует изучение ключевых лингвокультурных концептов, которые передают специфику образа жизни и образа мышления народа, следовательно, представляют «бесценные ключи к пониманию культуры» [Вежбицкая 1999: 267].

Концепты формируются в сознании человека: на основе чувственного опыта, т.е. в результате восприятия окружающего мира непосредственно органами чувств; на основе предметно – практической деятельности человека. [Большдырев 2002: 24].

В лингвистических работах новое освещение проблемы восприятия связано с развитием когнитивного направления. В большинстве когнитивных концепций о языке подчеркивается исключительная роль чувственного наглядного мира для познания внешнего мира. Языковая реализация ситуаций восприятия в языке регулируется собственными принципами, предопределяющими их участие в формировании языковой модели мира. По мнению Ю.Д. Апресяна, «зрительное и, несколько в меньшей степени слуховое восприятие нуждается во все новых и новых выразительных средствах. Словарь именно этих систем обслуживает наибольшее число коммуникативных ситуаций и, скорее всего, изнашивается от постоянного употребления» [Апресян 1995: 101].

Концепт «зрительное восприятие» является одним из важнейших концептов, создающих понятийную картину мира. Зрение выступает в качестве главного условия

осуществления жизнедеятельности человека. Именно через зрительное восприятие, познавая мир, человек вступает и активные отношения с реальностью.

В своей работе «Язык и восприятие» А.В. Кравченко показывает связь видения мира с физиологией и психологией восприятия человека. Автор полагает, что «с одной стороны, восприятие, членение и концептуализация мира отражается в существовании универсальных понятийных категорий, свойственных разным языкам. Эти категории отражают то, что мы видим. Именно эта универсальность делает, в конечном счете, возможность овладения иностранными языками. С другой стороны, в каждом отдельном языке имеется система специфических понятий, свойственных именно этому языку и несвойственных другим – в этих понятиях, как правило, отражено то, как мы видим мир». [Кравченко 1996: 16].

В языке находят отражение все черты внеязыковой действительности, релевантные для носителей культуры, пользующихся этим языком. Вместе с тем, овладевая языком, в частности, значением слов, носитель языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком, и «сживается с концептуализацией мира, характерной для соответствующей культуры. В этом смысле слова, заключающие в себе лингвоспецифичные концепты, одновременно «отражают» или «формируют» образ мышления носителей языка».

Каждый естественный язык, как считает Ю. Д. Апресян, отражает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Владение языком предполагает владение концептуализацией мира, отраженной в этом языке. В основе каждого конкретного языка лежит своя картина мира. Свойственный данному языку способ концептуализации действительность отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир через призму своих языков.

Отражение языковой картины мира через зрительное восприятие играет главную роль в познании человеком окружающего мира, которое осуществляется путем построения когнитивных образов реалий и ситуаций в их взаимодействии.

Языковая картина мира – это образ мира, запечатленный в языке, это отчужденный объективный мир, поскольку объективная действительность отображается вторичной материальной (знаковой) системой – языком. Однако картина мира и ее образ в языковой форме представляют собой диалектическую связь и отношение.

Таким образом, языковая картина в каждом языке имеет свои особенности, но в общих функциональных, понятийных планах она в принципе типична для всех языков, в противном случае люди не имели бы возможности понимать друг друга.

При сопоставлении языков выявляется национальная специфика зрительного восприятия мира, что отражается в национальной языковой картине мира, представляющей собой фиксированный в единицах языка результат познания объективного мира обыденным сознанием конкретного языкового сообщества.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды.- М., 1995
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. – Тамбов, 2002.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999
4. В. Фон Гумбольдт. Язык и философия культуры. – М., 1985
5. Кравченко А.В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. -Иркутск.: ИГУ, 1996.
6. Пименова М.В. и др. Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие. – Кемерово, 2004.